

Ссылка на публикацию:

<https://viperson.ru/articles/aleksandr-dugin-chingis-han-i-mongolosfera>

07 ноября 2001

Александр Дугин. Чингис-хан и монголосфера

По мотивам книги калмыцкого евразийца Хара-Давана

1. Архетип Темучин

Монгольский воин и великий континентальный монарх Темучин Чингис-хан – ключевая фигура Евразии и евразийства. Его личность, отраженная в его исторических деяниях, в составленных им законах предопределила в значительной мере весь ход мировой истории последнего тысячелетия. Созданная им в немыслимо короткие сроки империя стала основой принципиально новой политической организации пространства Старого Света.

Наследие Чингис-хана представляет собой своего рода континентальный Завет, духовную ось Суши(1).

Изучение истории империи Чингис-хана оставляет ощущение чуда. Рождается чувство: так не бывает, не может быть. В течение одной жизни владения бедного монгольского аристократа Темучина, сына Есугей-багадура, разрослись от крохотного надела бесплодной земли до просторов обширного континента.

Темучин создал все из ничего, опираясь на свою бесконечную волю, на жаркую энергию своего небесного сердца, завещанного древним белым духом, проникшим к праматери Алан-гоа через дымник юрты (как повествует нам "Сокровенное Сказание" монголов).

Не удивительно, что Чингис-хан считал себя избранным высшими силами. Даже те властители, которые совершили много меньше подвигов, чем Темучин, кичась, претендовали на небесную родословную. Он же в действительности совершил то, что едва ли под силу даже самому достойному из сыновей земли.

Показательно число лет жизни Темучина – 72 года. Это число в древнейших сакральных системах означало полный цикл жизни и лежало в основе древнейших круговых календарей. Оно неизменно встречается во всех мифологических сюжетах, связанных с полнотой времени. Круг делится на 72 составляющие. Из 72 временных промежутков (мгновений, хелеков) складывается первичная система древнееврейского исчисления времени.

Согласно реконструкции древнейших календарей Германом Виртом, они состояли из 72 недель по пять дней в каждой(1-1).

72 года жизни Чингис-хана, таким образом, представляют собой парадигму Евразии, синтезированную карту-календарь, воплощенную в идеале сакрального властелина.

Мы, русские, живем под сенью Чингис-хана. Он принес нам не только иго с Востока, но и свободу от ярма Запада. Он распластал нас под своим владычеством, но научил нас бороться и побеждать. Он не просто организовал железной дланью континентальную административную машину, где мы по началу были данниками, но передал нам основы государственного аппарата, которыми мы пользовались в течение долгих веков. Он увел русских жен в стан диких монголов, но дал нам через свою кровь степную ярость и великую энергию пространства; мы сделали их своими и явили миру грандиозные образцы имперосторительства.

Мы, русские, дети Чингис-хана, наравне с татарами, тюрками, монголами. Но если они наследуют в первую очередь кровь, то мы наследуем дух, помноженный на просторы сакральных почв.

Русские до Чингис-хана и русские после Чингис-хана – это два разных народа, две разные идеи, две расы, две миссии.

Русские до Чингис-хана – периферия Византии и Европы.

Русские после Чингис-хана – оплот Вселенской Империи, новая Византия, последний Рим, абсолютный центр геополитической битвы за судьбы мира.

Чингис-хану мы обязаны всем.

2. За пределом полярных гор (Гиперборея и Евразия)

В географии древнего мира существует интересная закономерность. Древние цивилизации складывались под воздействием импульсов, идущих с Севера, но застывали и становились собой только южнее некоторой географической черты - гряды евразийских гор, тянущихся от Пиренеев до Манчжурии. В этом таинственная парадигма цивилизаций. С Севера от этих гор рождается тонкая живая сила и оседает южнее, застывая в конкретной форме.

Мифы древних народов закрепили эту модель в двучастном делении пространства: благое (цивилизованное) пространство - Китай, Индия, Иран, Шумер-Ассирия, Греция, Италия, Иберия - лежит к югу от горной цепи, и пики ее обозначают сам Север: Тибет, Кайласа, Альборз (Эльбрус), Олимп... То, что лежит за Севером, по ту сторону Севера (отсюда греческое слово "Гипер-борея", буквально лежащее "по ту сторону Севера", "за Борею-Севером", "Jenseits des Nordens" Ницше) представляет собой темную неизвестную сферу, мир варварства, потустороннюю обитель inferнальных существ – пиктов, диких германцев, туранцев. Особенно подробно эта двучастная модель сакральной географии была описана у древних иранцев,

например, у Фирдоуси в "Шахнаме". Там изложена классическая дуалистическая концепция – Иран=Свет - Туран=тьма, Иран=цивилизация - Туран=варварство, Иран= оседлость - Туран=кочевничество.

Северная полоса Евразии от Франции до Приамурья есть единый Туран (т.е. Гиперборея или ее расширенное преддверие).

Эта демонизированная цивилизациями древности туранская область постоянно вторгалась в бытие южных систем, не только сея разрушение, гибель и смерть, но и привнося новую жизнь, новую кровь, новую свежую силу в медлительно разлагающиеся режимы Юга. В варварских нашествиях было нечто божественное. Грабя, насилуя, разрушая и сжигая центры цивилизации, туранцы обнажали тайную сущность - голую сущность бытия. Они оставляли после себя императорские династии и непобедимые армии, новую этику братства и солидарности, крепкого слова и железной воли, жарких объятий и жестокой смерти... Они как "бич Божий" (чем и считались) возвращали изнеженный Юг к суровым проблемам Севера.

Туран боялись и не понимали, для защиты от него строили Великие Стены, и вели карательные операции, его презирали и ненавидели, но он с завидной периодичностью напоминал о себе. Яростный, неукротимый Туран, беспощадный, скуластый, голубоглазый, белокурый и раскаленный...

Туран – в широком гиперборейском смысле – был источником королевской крови. Большинство имперских и королевских родов истории приходило в цивилизацию с Севера. Китайские династии по большей части были туранского происхождения – хунну, табгачи, кераиты, чжурджени, манджуры, потом монголы. Сам Александр Великий был сыном царя северных варваров – Филиппа Македонского.

Налицо парадоксальная двойственность Турана: это варварство, несущее культуру; смерть, призывающая жизнь; разрушение, открывающее путь новому созиданию.

Туран – "бич Божий", великий континентальный импульс, разбивающий сосуды, чтобы освободить заключенный в них примордиальный свет.

В своем имперостроительном импульсе Чингис-хан осуществил важнейшую сакрально-географическую операцию: "он сравнял горы", сделав естественную северную границу южных цивилизаций прозрачной и проходимой. Открывшиеся таким образом северо-евразийские пространства невероятно расширили географические представления южан. Условный Север материковой горной цепи, "заместитель" полюса обнаружился как нечто локальное. Истинный Север - великая Арктида - дала о себе знать. Сами же евразийские территории и на Севере и на Юге были интегрированы в единый блок, подчиненный воле Севера уже в планетарном, континентальном смысле. В этом состояла великая нордическая реставрация сакральной географии, которую осуществил Чингис-хан в своей империи. В этом заключается ее фундаментальное отличие от империи Александра Великого, которая находилась южнее евразийской горной цепи, хотя ее

истоковый импульс был также локально полярного (применительно к сакральной географии Греции) происхождения – балканская Македония.

Монголосфера Чингис-хана была не только симметричной фигурой относительно западной империи Александра Великого, но только со стороны Востока, она открывала цивилизациям новый трансцендентальный горизонт, нордическое измерение бытия, тот самый "Свет Севера", о котором учит исламский эзотеризм (2). Чингис-хан приходил с Севера, открывая доступ к новым духовным просторам.

"Стирание гор" – важнейший сакрально-географический элемент всей монголосферы и в историческом, и в архетипическом, и в геополитическом смысле.

3. Туран в апогее (культура против цивилизации)

Великий монгольский шаман Кокэчу (Теб-Тенгри) провозгласил Темучину и монголам в 1206 г. в верховьях реки Онон: "Всевышний дарует тебе царство лица земного. Теперь, когда побеждены твоей десницей государи этих земель, называемые каждый Гур-ханом, и их области достались тебе, то пусть будет твое прозвище "Чингис". Ты стал царем царей, Всевышний Господь повелел, чтобы прозвание твое было: Чингис-хан, Царь царей и государь государей".

В ответ на это сам Чингис-хан демонстрирует, что вполне осознает сакральный смысл своей миссии. Он произносит: "Вечно Синее Небо (Тэнгри) повелело мне править всеми народами. Покровительством и помощью Неба я сокрушил род кераит и достиг великого сана. Моими устами говорит Менкэ-Кеке-Тэнгри (Вечно Синее Небо). В девятихвостое белое знамя вселяется гений-хранитель рода Чингиса, это – "сульде" – знамя будет оберегать его войска, водить их к победам, покорит все страны, потому что Вечное Небо повелело Чингис-хану править всеми народами. Чингис царствует "силою Вечного неба"". (Менкэ-Тэнгри-кючин-дур").

На яшмовой печати Чингисхана было выгравировано: "Бог – на небе, Ха-хан – Могущество Божие на земле. Печать Владыки Человечества".

Так как Чингис-хан правил Евразией, ей не правил никто.

Его власть, его империя была чистейшей парадигмой туранского начала. Чингис-хан, как свидетельствуют исторические документы, прекрасно осознавал дуализм Иран-Туран или оседлость (городское устройство, цивилизация)-кочевничество (скотоводство, военное дело).

Хара-Даван(3) пишет "...Чингис-хан делил людей на две категории. Для одного типа людей их материальное благополучие и безопасность выше их личного достоинства и чести; поэтому они способны на трусость и измену. Такой человек подчиняется своему начальнику из-за его силы и мощи, посредством которых он может лишить его благополучия и жизни, поэтому он трепещет перед его силой.(...) Это – низменные, рабские, подлые натуры, и Чингисхан беспощадно уничтожал их на своем завоевательном пути,

например, когда они появлялись к нему, предав своего господина – врага Чингис-хана – в надежде получить награду. (...) Ценимые Чингисом люди ставят свою честь и достоинство выше своей безопасности и материального благополучия. Они боятся не человека, могущего отнять у них жизнь и жизненные блага, они боятся совершить поступок, который может обесчестить их или умалить их достоинство – не в глазах людей, а в своих собственных. (...) Человек подобного психологического типа повинуется начальнику не как лицу, а как части известной, Божественно установленной иерархической лестницы, как ставленнику вышестоящего начальника, который в свою очередь повинуется поставленному над ним высшему начальнику и т.д. до Чингис-хана, который правит народом и Вселенной по велению Вечно Синего Неба. Вот на такой иерархической лестнице, с людьми такого психологического типа в качестве начальников и строил свою всю империю Чингис-хан, который, будучи сам типичным монголом и человеком этого типа, искал таких людей среди кочевых народов. (...) Кочевник все, что ему дорого, носил в душе, а горожанин все ему дорогое видел в материальном достатке."

И далее: "Относя горожан к первым из двух очерченных психологических типов, Чингис-хан только в исключительных случаях ставил на высшие должности людей городской или оседлой культуры, несмотря на то, что завоевал столько царств с более высокой культурой (точнее было бы сказать с более высокой цивилизацией, учитывая противопоставление культуры и цивилизации у Шпенглера - А.Д.), как Китай и Персия. По той же причине Чингис-хан презирал оседлые народы и дал завет своим потомкам и всему монгольскому народу сохранить свой кочевой быт и остерегаться становиться оседлым, завет, который до сего времени соблюдается монголами".

Два описанных Эренженом Хара-Даваном психологических типа соответствуют южному и северному (гипербореическому) началам. Именно туранский этический тип следует называть евразийским.

То, что находится севернее евразийской гряды гор, имеет свою собственную онтологию, свою энергетику, свой особый уникальный пафос. Даже оседлость в этих туранских регионах несколько меняет свое значение, сохраняя многие этические и психологические черты, свойственные кочевью – суровый климат евразийского Севера делает общинность, жертвенность, солидарность столь же необходимыми, как и в степных кочевьях.

Империя Чингис-хана была не только чисто территориальным завоеванием, но и утверждением особой универсальной этики, которую Чингис-хан сам ясно осознавал, пытаясь обобщить туранский духовный закон в историческом памятнике огромного значения – в "Великой Ясе".

4. Яса

"Великая Яса" была принята на курултае в 1206 году.

Отличительной особенностью "Ясы" было утверждение о необходимости почитания Единого Бога (каким бы ни было его подлинное имя – "Тэнгри", "Исус", "Будда" или "Магомет"). Вера в монгольском государстве охранялась законом. Точно также под особым покровительством в империи Чингис-хана находились служители культа, которые освобождались от податей и налогов.

Основы "Ясы" формализуют туранскую этику, возводя ее в ранг закона. "Смерть положена за обращение князей к третьим лицам помимо хана, за неоказание помощи в бою, за оставление своего поста без разрешения начальника, за небрежность солдат и охотников в исполнении обязанностей службы, за оказание милосердия пленным без ведома того, кем они были взяты, за невыдачу беглых рабов и пленных владельцу, за убийство, за кражу, лжесвидетельство, измену, прелюбодеяние, заведомую ложь, волшебство, тайное подслушивание, поддержку третьими лицами одного из двух спорящих (борющихся) и т.д."(4) Показательно, что все это вполне сопоставимо с моисеевыми заповедями, но акцент сделан именно на морали верности и чести, которые поставлены в начало, а остальные нормативы гражданского общежития видятся второстепенными.

Дело в том, что туранское единобожие предельно конкретно. "Бог – на небе, Ха-хан – Могущество Божие на земле." Нельзя даже помыслить одновременно верность Богу и предательство начальника, который есть подчиненный другого начальника и так вплоть до самого Чингисхана. Социальный мир "Ясы" целен и открыт. Вся иерархия составляет единое тело, во главе которого стоит персонифицированное "Могущество Божие на земле", а следовательно, верность и дисциплина являются основными критериями конкретного и легко верифицируемого благочестия. Служители культа несколько вынесены из этих рамок чисто воинской иерархии, у них особый статус и к ним особое отношение. Но основной акцент сделан на реальный становой хребет евразийской государственности – на пассионариев, служилый класс, воинов-организаторов. Жесткая этизация на основе "Ясы" именно этого слоя лежит в центре туранского порядка.

И в таком порядке благополучие и защищенность "горожан", "индивидуумов", "родов", "семей" хотя и признается и гарантируется, но все же подчиняется высшей цели, ставится на второе место.

Права человека здесь второстепенны перед лицом прав имперостроительной евразийской иерархии, которая призвана не только сохранять достигнутое, но и преумножать, воспроизводя снова и снова великий завет "Царя царей и Владыки человечества".

Сам Чингис-хан уделял очень большое значение соблюдению "Ясы". "Если государи, которые явятся после этого (самого Чингис-хана), вельможи, багадуры и нойоны... не будут крепко соблюдать Ясы, то дело государства потрясется и порвется. Опять будут охотно искать Чингис-хана и не найдут...", говорил он.

"Яса" соблюдалась довольно долго и после смерти Темучина. Но постепенно этот чистый туранский закон утратил свое значение, забылся. Евразийский дух искал иные формы. Но именно "Яса" является чистой парадигмой того, что можно назвать евразийским правом.

5. Евразийский отбор

Огромную роль в чудесной империи Темучина играл принцип "ротации элит", сформулированный в XX веке Вильфредо Парето. Конечно, ни одно из рациональных объяснений не способно даже относительно приблизить нас к таинству рождения великого континентального образования. Но все же принцип "монгольского отбора" в истории Чингисхана показателен.

Очень важно обратить внимание на личную судьбу самого Темучина. Будучи первенцем крупного монгольского аристократа Есугей-багадура, главы рода Кият-Борджигин, и обладая значительным родовым наследством, он оказался после смерти отца в крайне печальном положении, все худшее, что могло случиться с человеком его статуса, с ним случилось. Он был предан, унижен, раздавлен, распластан, лишен всего. Он стал временно "обездоленным мира сего", "лишенным наследства". Прошел плен, гонения, пленение меркитами любимой жены (что автоматически подразумевало насилие над ней похитителей). Жизнь поставила его с юности в предельно критическую ситуацию. Испытания, которым он подвергся, были способны сломить любого.

Но он выстоял. Прикоснувшись к стихии дна, он всей своей монгольской мощью оттолкнулся от него. Для этого необходим был высочайший аскетизм, нечеловеческое упорство, постоянная жгучая ярость, черная решимость, безразличие к пустякам, готовность для реализации цели преступить любые границы, выдержать любые лишения. Вместе с тем, раз с детства все давалось так нелегко, он научился добиваться своего в отложенном режиме, идти при необходимости на временные компромиссы, входить в вассальные отношения с теми, кто пока сильнее. Это важнейшая психологическая траектория – король-свинопас, лишенный наследства младший брат, властелин, все утративший, но вставший на путь воссоздания всего сторицей. Темучин стал Чингис-ханом потому, что он был образцом пассионарной элитарной личности. Его заслуги и достижения – судьба архетипа, они сверхличностны. Хара-Даван пишет(5): "Глава обширнейшего из государств мира, занимавшего 45 Старого Света, властелин около 500 миллионов душ(...) он до конца своих дней чуждался роскоши и излишеств. (..) Он продолжал носить одежду кочевника и держаться степных обычаев, завещав своим наследникам и всему монгольскому народу не изменять этим обычаям во избежание растлевающего влияния на нравы культур китайской и мусульманской. У него не было таких личных потребностей, в жертву которым он, подобно другим избалованным счастьем венценосцам, принес бы высшие цели своей политики. Вся его жизнь была посвящена

осуществлению его высочайшего идеала – созданию Единого Мирового Царства, которое было бы в то же время идеалом военной культуры монголов XIII и XIV веков."

Он сам демонстрирует своей судьбой материковое "вращение избранных" ("ротацию элит"), правящий отбор. Властвовать должен не тот, кто получил на это наследственное право, этого мало. Необходимо конкретными подвигами закрепить, доказать это право, отвоевать его у темных углов мира, наползающих на пятачок умалившейся Родины, грозящих убить, уничтожить, раздавить, схватить, обокрасть, обесчестить. Надо разогнуться во весь великий монгольский размер, напрячь как тетиву лука все мышцы и сухожилия, собрать воедино все мысли и чувства, и прильнув к верной холке коренастой лошади нанести жестокий, беспощадный удар. Смертельный, неисправимый, фатальный, судьбоносный. Только тогда и только так будет пробуждена небесная сила Тэнгри, дающая победу и власть.

Монгольский отбор элиты это отбор жестокого противостояния света и тьмы. Испытаемого бросают в колодец ночи, в ничто, в нищету, в лишенность и ждут, пока внутренний свет в нем созреет настолько, что тьма вокруг него начнет гаснуть. То, что не завоевано в жестоком поединке, не считается вообще. Только отважный, верный, справедливый и бесстрашный воин достоин называться "человеком", "монголом". Остальное второстепенно и подсобно, относится к добродетелям и ценностям рабов и трусов.

Ротация элит по-монгольски поощряет опасность. Само общество здесь предполагает постоянную опасность, бытие-в-риске (М.Хайдеггер). И именно в нескончаемом диалоге со стихией смертельного вызова выковывается характер тех, кто имеет основания править, властвовать, повелевать, обладать, распоряжаться, отдавать приказание, свободно и удало охотиться, сжимать в объятиях послушных, дрожащих, влажноглазых женщин. Это - этика бесконечного мужества, постоянного неусыпного доказательства верности, смелости, жестокости и высшей трезвости. Этот критерий у Темучина был превыше всего. Можно назвать его "принципом неотчуждаемой иерархии". То, что не доказано жизнью, опытом, не действительно. По этой причине Чингис-хан не останавливается перед тем, чтобы назначать на высшие посты простолюдинов, и не испытывает ни малейшего снисхождения к тем аристократам, кто опозорил свое звание. Головы летят направо и налево.

Отбор лучших в туранском режиме никогда не прекращается (по крайней мере, в теории). Каждый обязан вновь и вновь подтверждать свой статус конкретными делами - победами, успехами, подвигами, жертвами, великими свершениями. Отсюда экспансивный характер империи Темучина. Каждый член туранской иерархии должен иметь пространство для личной и коллективной реализации. Чтобы не обращать дух агрессивной активности вовнутрь (в склоки, интриги, междоусобицы) самое органичное и естественное проявление – вовне. Поэтому царство Ха-хана подобно

ядерному взрыву – туранская пассионарность свободно движется по континенту, сметая раздробленные, потонувшие в неге, усобицах и роскоши цивилизованные центры.

Монголы Чингис-хана действуют не по праву силы, но по логике евразийской ротации. Они воплощают в себе норматив имперской элитарности, являющейся не просто отражением их общинной племенной психологии (и до них и после них было много кочевников, не совершивших и тысячной доли того, что смог совершить Чингис-хан со своими людьми), но ярко осознанным, возведенным в закон "Великой Ясы" универсальным принципом. Орды Темучина несут в себе универсальную весть. Они не просто уничтожают противника, завоевывают народы и государства, захватывают добычу, они предлагают фундаментально новый порядок – новый евразийский порядок.

В новом евразийском порядке абсолютизируется этика динамической агрессивной гармонии, проникнутой земной воинской волей и отмеченной богоприсутствием.

Прежде чем монголы нападали на другие страны, они отправляли туда послов с предложением мирно признать истину туранского света. Таким, например, было послание монгольского императора королю Людовику: "Именем Бога Вседержителя повелеваю тебе, королю Людовику, быть мне послушным и торжественно объявить, чего желаешь: мира или войны. Когда Воля Небес исполнится, и весь мир признает меня своим повелителем, тогда воцарится на земле блаженное спокойствие и счастливые народы увидят, что мы для них сделали! Но если дерзнешь отвергнуть повеление божественное и скажешь, что земля твоя отдаленная, горы неприступные, моря глубокие и нас не боишься, то Всесильный, облегчая трудное и приближая отдаленное, покажет тебе, что мы можем сделать"(6). Эта формула не пустые слова амбициозного и хищного завоевателя, она точно выражает духовный, метафизический настрой евразийской империи: физическая мощь и материальная победа рассматриваются лишь как доказательство триумфа высшей идеи, воплощающейся в исторической конкретике в ходе реализации уникального эсхатологического сценария – создания Всемирной Туранской Империи.

6. Улус "Третий Рим"

Бросим взгляд на монголосферу после смерти Чингис-хана. Его уход был подобен драме "изъятия катехона", "удерживающего". Уникальная конструкция утратила свое оживляющее начало. Завет "неотчуждаемый иерархии" без личностного воплощения "Высокого Ясного Неба" стал быстро формализоваться. Апогей Турана отныне позади. Впереди было остывание.

Монголосфера утрачивает со смертью Темучина (1227 г. – полнолуние месяца "Свиньи"(7)) органическое живое единство, хотя еще некоторое время

остается формально связанной. Отношения между основными ее частями - Китаем, Персией, Туркестаном и Кипчакским царством - сохраняются до середины XIV века, с подчиненностью верховной ставке великого Хана в Китае. Эволюция разных ядер монголосферы показательна. В Китае и Персии (устойчивых цивилизациях, расположенных южнее евразийской гряды гор) монгольский импульс не порождает радикальных и необратимых изменений. Живая сила туранизма лишь временно стимулирует эти государства, концентрируясь в династическом начале, в оздоровлении нравов, в прививке воинственного, реалистического динамического духа аристократическим слоям. Постепенно туранизм там испаряется, и монгольскому импульсу не удается фундаментально повлиять на геополитическую судьбу этих стран. Завет Чингис-хана забывается, как забывается "Яса".

После временного возвышения при Тамерлане, воспроизводившего изначальный чингисхановский импульс в мусульманском контексте (империя Тимура простиралась от Родоса до Индустана) Туркестан (Джагатайская держава) постепенно также утратил политическое единство, потеряв былой геополитический вес.

Единственный сектор монголосферы, который, в конечном счете, избежал процесса остывания (энтропии), был Улус Джучиев, Кипчакское царство, называемое также "Золотой Ордой". Территория "Золотой Орды" была существенно вытянута на Север и имела несколько внутренних полюсов - главный монгольский в Сарая (ставка кипчакского хана) и несколько периферийных. Самый северный полюс Улуса Джучиева был в Москве.

Москва начала свое геополитическое возвышение как северный сектор "Золотой Орды", которая по своим основным параметрам являлась миниатюрным повторением всей империи Чингис-хана. Именно в "Золотой Орде" продолжала культивироваться монгольская самобытность, туранский дух, этика "Ясы". Здесь нераздельно переплелись Север и Юг, лес и степь, кочевье и оседлость (при превосходстве динамики, свойственной кочевью). Отсутствие древних цивилизационных материальных клише (как в Китае или Персии) позволяли Улусу Джучиеву во всех своих проявлениях развиваться творчески, новаторски, активно и экспансивно. Сарай перенял от Чингис-хана основную геополитическую и сакрально-географическую миссию - миссию вселенской империи, тогда как основная ставка Великого Хана в Китае постепенно переродилась в центр регионального могущества с ярко выраженным локальным колоритом.

"Золотая Орда" была прямым продолжением "Белого Царства", как еще при Чингис-хане называлась западная часть его империи, царство Кипчака. "Белое Царство" подхватило наиболее масштабный аспект завета Чингис-хана - противодействие Югу (как оседлой цивилизации -- презираемые Темучином люди второго типа) и Западу. Сарай вел себя в истории так, как

должна была бы вести себя вся монгольская империя, если бы она соблюдала в точности завещание своего основателя.

"Белое Царство" Сарая стало матрицей русской государственности в ее московском облике. Московия под воздействием монголосферы обрела навыки административного централизма, информационной упорядоченности (система "ямов"), налоговой и статистической прозрачности, эффективную и гибкую финансовую систему. Огромное влияние на Московскую Русь оказало военное искусство монголов, с которыми русским пришлось много воевать совместно - войска великого русского князя сражались вместе с монголами уже при Хубилае в Китае. Как справедливо пишет Эренжен Хара-Даван(8): "русские при Дмитрие Донском, в конце концов, применили основы монгольского военного искусства и против самих монголов, добившись самостоятельности". Но самое главное, что Москва впитала от Улуса Джучиева геополитическое таинство монгольской воли к новому евразийскому порядку, переняла (порядком увядший, но все же сохранившийся в "Золотой Орде") завет построения Всемирной Империи на новых, сухопутных, полярных основаниях. Москва усвоила континентальный универсализм, понимание евразийского материка, как единого пространства, подлежащего универсальной унификации на особых сакральных принципах, сопряженных с этикой Великого Турана.

Москва и русский великий князь осознали себя осью "Белого Царства", что означало преемственность через Улус Джучиев изначального чингисхановского импульса. Из локальной восточно-европейской державы, принадлежащей к периферии Византийского влияния и находившейся под постоянным натиском католической Европы, Русь Московская переродилась в ядро мирового могущества.

После падения Константинополя, совпавшего с фактическим освобождением русских от прямого контроля со стороны "Золотой Орды", Москва приняла эстафету центра вселенского Православия, вступила в наследие византизма(9), усугубленного в евразийском ключе и помноженного на имперостроительную энергию монголосферы.

Показательно, как мифологическое сознание древних русских оценивало степных кочевников (называемых в летописях обобщенно "татарами") до монгольских завоеваний и после них. До завоеваний отношение к евразийским кочевым автохтонам воспроизводит типичные мотивы "западной ойкумены", где они считались "ордами гогов и магогов", "демонами", "варварами", "полчищами бесов" и т.д. Эта христианская идентификация является продолжением греко-латинской сакральной географии, где туранский, "гиперборейский" ("за-северный") пространственный сектор неизменно демонизировался, населялся "людоедами", "чудовищами", "инфернальными существами". Отождествляя евразийских выходцев с глубинного Востока с апокалиптическими ордами, русские Киевского периода опасливо жались к Греции, а то и к Европе. Киев

был колыбелью именно такой русской государственности – национальной, локальной, периферийной относительно и Царьграда и папской Европы.

Совершенно иная картина наблюдается в Московской Руси. Отождествление народов Востока, монголо-татар с "гогами и магогами" полностью исчезает. И даже победу на Куликовом поле и освобождение от власти "Золотой Орды" русские не осознавали как победу "сил добра" над "силами зла", "христиан" над "иноверцами". Отныне мы имеем дело с совершенно иной моделью геополитической идентичности. Русские Московского Царства выступают и осознают себя как самодостаточный культурно-цивилизационный полюс. Это уже не региональная держава, не периферия чего бы то ни было, но центр в себе, источник политической и исторической воли. Третий Рим. По сути "Белое Царство" Московской Руси и есть полюс неовизантийски оформленной православной монголосферы. Всемирное Царство завещано московскому Риму именно Чингис-ханом, и завет этот воплощен в кровь, в культуру, в навыки, в государственную и хозяйственную систему, в административный уклад.

В отличие от всех остальных частей империи Темучина только северный сектор Кипчакского царства сохранил и развил изначальный импульс.

И встал Третий Рим, Русь Монгольская, несущая народам и царствам "Белый Завет", новую этику, новую весть, новый порядок.

7. Тропой Чингис-хана

В какой степени актуален сегодня завет Чингис-хана, и актуален или он вообще? Отнюдь не праздный вопрос. Евразийский взгляд на русскую историю (Н.С.Трубецкой, П.Н.Савицкий, Н.Н.Алексеев, Э.Хара-Даван, Я.Бромберг, Л.Н.Гумилев, как и современные неоевразийцы) трактует ее как развертывание во времени геополитического, этно-культурного и цивилизационного наследия Чингис-хана. И само Московское Царство, и Романовская Империя и даже Советский Союз демонстрируют нам разнообразные версии Руси Монгольской, чингисхановской, развитие, расширение и укрепление единой монголосферы, явственно проступающей сквозь внешние оболочки и разнообразные идеологические самоидентификации. Подчас отступая временно, на каждом новом витке геополитическая миссия Москвы становилась все более масштабной и вселенской.

Наблюдение за историей евразийских пространств показывает нам следующую закономерность - после великого начала Чингис-хана все евразийское пространство, вся монголосфера, давно превзошедшая монголов как этнос, обязательно стремится к интеграции, к единству, к новой консолидации и возрождению. Эстафета переходит от одних секторов континентального пространства к другим, оформляется разнообразными мировоззренческими доктринами, но процесс никогда не затухает

окончательно. Высокое Синее Небо продолжает упорно делать свое дело, внушая сынам земли отважные и дерзкие замыслы, будоража их древнюю кровь, подвигая на новые свершения и победы.

Сегодня в истории Евразии драматический период. Распад СССР, роспуск Варшавского Договора напоминает события XIV века. Также разлагалась и монгольская империя. Но ведь позже, так или иначе, вновь и вновь давали о себе знать подземные ручьи большой воли, неустрашимый, неумолчный шепот Белого Завета. Нет сомнений, что точно также случится и на этот раз.

Все чаще сегодня говорят о евразийстве, о необходимости возврата России к своей планетарной миссии, хотя отныне ее надо формулировать в новых терминах, соответствующих критериям нашей эпохи. Набирают силы интеграционные процессы среди стран СНГ. Заставляет искать адекватного ответа на неприемлемый для нас вызов и вечно агрессивный Запад, облекающий на этот раз свой атлантический антитуранский импульс в теорию глобализации. Геополитическое сознание многих евразийских держав, лежащих южнее материковой гряды гор, продолжает быть заморожено этой границей, как непреодолимой преградой, а значит, полная карта мира остается у них искаженной локальными пропорциями. И открыть им истинную и полную картину сакральной географии - дело Турана.

Все это – знаки времени, недвусмысленные намеки, что дело начатое "Великим Моголом" у реки Онон не исчезло окончательно.

Белое Царство Евразии еще дышит, еще силится вырваться из области мечты, смутного позыва, из жара внезапно и без повода закипающей великоросской, русско-татарской, русско-монгольской, евразийской крови, из континентальных снов, из тайных желаний, о которых мы сами себе боимся признаться – желаний великой победы и пронзительной, вселенской, неутолимой любви.

Надо сказать всему этому "да". Как это сделали Александр Блок и Лев Гумилев. - "Да, скифы мы, да, азиаты мы".

Книга Эренжена Хара-Давана должна стать нашей настольной книгой. И относиться к ней надо соответствующим образом. Это не только историческое повествование, – это проект, завещание, кодекс, задание, идущие из глубины веков.

Многие великие люди хотели пережить свою личную смерть. Размышлял об этом и Темучин, специально выписавший к себе в ставку для этой цели даосского алхимика. Внешняя история повествует, будто алхимик посчитал предприятие нереальным. Но так ли было на самом деле? Не были ли похороны Темучина на горе Бурхан-Халдун лишь помпезной инсценировкой?

Жизнь Евразии – этого его жизнь, а его жизнь – это наша жизнь.

Никто не свободен от прошлого, от завета, от того, что сделало нас такими, какие мы есть – скуластыми, безумными, непокорными, бескрайними, опьяненными волей и судьбой, миром и небом над ним,

жестокими и нежными, русскими, вселенски, бесконечно, абсолютно русскими, палящими нашей тенью, нашим вкусом, нашим Достоевским надломом пресные народы мира, пока еще ускользнувшие от нашей неминуемой, никогда не отклоняющейся от предначертанной судьбой траектории, свинцовой длани.

Да, сегодня мы слабы. Но до какого низа дошел Темучин, чтобы однажды стать Чингис-ханом? Да, сегодня ничто не предвещает, что мы не только возвысимся, но даже сумеем сохранить имеющееся. А каково было Темучину в колодках у грязных предателей тайджиутов, неверных вассалов? Да, сегодня мы преданы друзьями, унижены и подавлены. Но что чувствовал Темучин, когда его молодую красавицу жену Бортэ насиловали меркиты, а он был слишком слаб и одинок, чтобы защитить ее и воздать врагам должное?

Он не забыл и закалил свою великую ненависть, великую любовь.

Наше дело встать на тропу Чингис-хана. Вернуться в нашу историю, вновь обрести смысл и цель нашего общего национального евразийского бытия.

Сноски

(1) См. А.Дугин "Основы геополитики", М., 2000

(1-1) См. "Милый Ангел", М., 1997, "Рассветное познание восточного шейха", стр.71

(2) См. Henri Corbin "L'Homme de la lumiere", Paris, 1972

(3) Эренжен Хара-Даван "Чингисхан как полководец и его наследие"

(4) I.J.Korostovetz "Von Chingis Khan zur Soviet Republik", Berlin-Leipzig, 1926

(5) Хара-Даван, указ. соч.

(6) Там же.

(7) Указание на месяц "Свиньи" архетипично. Континентом "Свиньи" ("Землей Кабана") индусы называли Арктиду, Гиперборею, сакральную землю полярного рая, находившегося in illo tempore на крайнем севере. См. подробнее А.Дугин "Мистерии Евразии". И его же "Основы Геополитики", указ. соч., книга 2., часть 6, гл.2

(8) Хара-Даван, указ. соч.

(9) А.Дугин "Абсолютная Родина. Метафизика Благой Вести", указ. соч., "Мы - Церковь последних времен", его же "Русская Вещь", т.1, М., 2001, "Абсолют Византизма", его же "Основы Геополитики", указ. соч., "Геополитика Православия".
